

А. И. Тимошенко

СИБИРСКИЙ ТЫЛ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН XX СТОЛЕТИЯ*

УДК 94 (571) «19»

ББК 63.3(253)6

В статье рассматриваются проблемы, связанные с формированием сибирского тыла как исторического феномена, определившего одну из важнейших особенностей цивилизационного развития Российского государства в XX столетии. Предпринята попытка выделить главные факторы, повлиявшие как на экономическое, так и на социально-демографическое развитие Сибири и повысившие ее значимость в военно-оборонном и стратегическом потенциале страны. Само существование сибирского тыла рассматривается как объективная реальность, имевшая место на фоне мирового геополитического развития. Выделены этапы формирования в центре государства национально значимой и экономически эффективной территории, обладающей значительными природными ресурсами, которые уже начиная с рубежа XIX–XX вв. оценивались в качестве мощного резерва государства для автономного развития как в мирное время, так и в случае международных конфликтов. Акцентировано внимание на советском опыте индустриальной модернизации Сибирского региона, предпринимавшейся, в частности, и в целях создания различных отраслей военно-оборонной промышленности. Подчеркнуто, что значимость сибирского тыла в обеспечении национальной независимости и безопасности государства неуклонно возрастала практически на протяжении всего XX в.

Ключевые слова: *Сибирь, тыловой район государства, военно-оборонная стратегия, экономические резервы, государственная политика, социальная мобилизация*

Идея организации сибирского тыла Российского государства возникла на фоне мировой геополитической динамики в конце XIX — начале XX вв. и получила свое развитие в процессе движения производительных сил обширной страны в восточном направлении. Большую роль в этом играли объективные обстоятельства, связанные с тем, что Сибирский регион по своему пространственно-географическому положению находился примерно в центре Российской империи и был удален от всех ее границ. Кроме того, территория обладала богатыми природными ресурсами, которые могли стать мощным экономическим резервом государства как для внутреннего развития, так и в случае международных конфликтов.

Российские экономисты и географы на рубеже XIX и XX столетий в связи с попытками экономического районирования страны определяли потенциальные возможности

развития производительных сил отдельных регионов и освоения их природных ресурсов. Изучение азиатской части России активизировалось в процессе строительства Транссиба и особенно с началом его эксплуатации. В условиях крайнего разнообразия регионального развития возникали мысли о разделении азиатских пространств Российского государства на части в соответствии с их природно-климатическими и социально-экономическими особенностями. Данные идеи впервые прозвучали в 1906 г. на совещании, посвященном решению транспортных проблем Сибири, проходившем в Иркутске. При рассмотрении перспектив экономического развития Сибирского региона предлагалось основываться на разделении его на четыре части. При этом роль меридионального делителя могла играть река Енисей, условно разделяющая Сибирь на западную, низменную, часть и восточную, гористую, а железнодорожная магистраль делила пространство региона на юг и север — части, отличающиеся между собой по природно-климатическим условиям.¹

В реальной же политике азиатская часть России рассматривалась как единая территория, подлежащая заселению и хозяйственному

Тимошенко Альбина Ивановна — к.и.н., с.н.с. Института истории СО РАН (г. Новосибирск)
E-mail: timoshenkoai@ngs.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00068 «Феномен сибирского тыла в исторической динамике XX столетия» (рук. Тимошенко А. И.).

¹ См.: Труды Совещания 1906 г. в Иркутске о путях сообщения в Сибири. Т. 1. Иркутск, 1907. С. 2, 3, 9.

освоению. Стратегические идеи экономического развития ее учитывались при разработке планов российского правительства под руководством С. Ю. Витте, который был сторонником продвижения на восток железнодорожного строительства, промышленности и предпринимательства. Он считал, что Сибирь и Дальний Восток необходимо заселить русскими людьми, которые станут гарантом независимости и целостности страны. Кроме того, русское население на этих территориях рассматривалось в качестве главного проводника российской государственной политики.²

Идеи формирования национально значимых тыловых районов Российского государства на территориях, расположенных в центре страны и богатых природными ресурсами, необходимыми для роста индустрии, в начале XX в. могли также рассматриваться на фоне мировых тенденций геополитического противостояния и роста конкуренции между промышленно развитыми странами, которые рассчитывали на некоторую экономическую автаркию в случае военных конфликтов. В Европе становление индустриального капитализма уже с начала XIX в. было связано с формированием в целом ряде стран своеобразных тыловых индустриальных районов, в которых размещались предприятия различных отраслей тяжелой промышленности.³

В 1910–1914 гг. в условиях промышленного подъема в России активно рассматривалась проблема экономического объединения возможностей и ресурсов территорий Урала и Сибири. Обсуждение проходило с участием представителей как государственных структур, так и крупного корпоративного капитала. И те и другие в первую очередь рассчитывали на быструю прибыль, поэтому трудно было найти варианты кооперации, устраивающие сразу всех. В геополитическом же смысле данные дискуссии можно оценить как стремление организовать некий тыловой межрегиональный индустриальный центр страны, где было бы возможно при необходимости в самые короткие сроки развернуть военное производство.

В начале XX в. более или менее крупное промышленное производство в восточных

регионах России находилось в основном не далее Урала. Однако темпы развития промышленных предприятий, особенно металлургических, сдерживались здесь недостатком топливно-энергетических ресурсов. Поэтому рассматривались проекты крупномасштабной модернизации уральской металлургии на основе коксующегося угля из Кузбасса. Относительно же промышленного развития Сибири в этот период пока что высказывались только идеи. После Русско-японской войны появились иногда достаточно оригинальные предложения. Например, в Бюро экономических исследований Руммера, организованном в Петербурге на средства художника и общественного деятеля А. А. Борисова, рассматривались проекты создания в центре Западной Сибири (от г. Колпашево до с. Мужы на севере) целого комплекса металлургических, машиностроительных, химических производств, способных составить основу военной промышленности. Здесь же в процессе крестьянского заселения и сельскохозяйственного освоения региона со временем планировалось организовать экономически крепкий тыловой район⁴.

С началом Первой мировой войны экономическое развитие Сибири, особенно ее западной части, продолжали рассматривать вместе с Уралом. В качестве актуальных вопросов обсуждались возможности кооперации производства и минерально-сырьевых ресурсов регионов. Военные обстоятельства стали той исторической необходимостью, которая ускорила процессы сдвига производительных сил России на восток. Это отмечалось на заседаниях созданной в 1915 г. при Академии наук Комиссии по изучению естественных производительных сил Российского государства (КЕПС). Возглавлявший ее академик В. И. Вернадский, обращаясь в первую очередь к органам государственного управления, писал, что необходимо срочно обратить внимание на развитие азиатской части России, поскольку Русская Азия является «самым могучим и прочным средством выяснения скрытой силы нашей государственной организации». Именно за счет ее ресурсов возможно в условиях войны и послевоенного восстановления добиться успехов не только в экономическом развитии страны, но и в общественном.⁵

² См.: Витте С. Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. М., 2004. Т. 1, кн. 2, ч. 1. С. 336–346.

³ См.: Зубков К. И. Пробуждение Евразии: развитие Урала и Сибири в мировой геополитике первой половины XX века // Региональные аспекты цивилизационного развития российского общества: проблемы урбанизации и индустриализации. Новосибирск, 2013. С. 24, 25.

⁴ См.: Тимошенко А. И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX веке: Концепции и решения. Новосибирск, 2007. С. 201.

⁵ См.: Вернадский В. И. Очерки и речи. Т. 1. М., 1922. С. 131, 132.

Данными идеями заинтересовалось уже советское правительство весной 1918 г., после заключения Брестского мира, по условиям которого Россия теряла Украину, практически весь европейский юг, где располагались крупные индустриальные предприятия. Сложившаяся ситуация заставляла советское правительство срочно обратиться к новым источникам угля и руды, находившимся на Урале и в Сибири. Урало-Кузнецкая проблема стала рассматриваться в качестве панацеи от экономического и политического краха большевистского режима. Она широко обсуждалась на Первом Всероссийском съезде Советов народного хозяйства, проходившем 25 мая–4 июня 1918 г. В резолюции съезда говорилось о том, что в результате Брестского мира и временной потери индустрии на юге «неизбежно перемещение главных центров нашей промышленности в районы добывания угля и руды — на Урал и в Сибирь — и усиленное развитие производительных сил в этих областях».⁶

Примечательны были на этом форуме высказывания М. И. Калинина. Он отметил, что Брестский мир был вынужденной мерой и что стране предстоит военная и экономическая борьба. Чтобы ее вести, надо иметь организованный экономический тыл. Его нужно отнести «в такую глубину», где бы он был менее подвержен опасности международных осложнений. Поэтому М. И. Калинин призывал укреплять производственный потенциал на Урале и в Сибири, «где мы должны заложить основы своего будущего могущества».⁷

Это было, по сути дела, первое признание исключительной важности решения Урало-Кузнецкой проблемы для государственного развития. Однако реальные шаги по созданию Урало-Сибирского комбината стали предприниматься советским правительством лишь в годы первых пятилеток, когда на Урале и в Сибири строились десятки крупных индустриальных предприятий, закладывалась основа промышленного развития не только Урало-Сибирского региона, но и Поволжья, Северного Казахстана, намечалось дальнейшее продвижение индустрии на восток — к тихоокеанскому побережью.

Создание Урало-Кузнецкого комбината (УКК) дало мощный импульс для развития промышленного производства, в том числе

военно-оборонных отраслей, во всей азиатской части СССР. Предприятия комбината функционировали как «цеха» единого производственного организма, обеспечивая тем самым рациональное и эффективное использование природных ресурсов и собственных мощностей.⁸ Реализация Урало-Кузнецкого проекта дала возможность в 1930-е гг. не только обсуждать проблему формирования сибирского тыла, но и приступить к ее конкретному решению в рамках индустриальных планов СССР. УКК уже к 1933 г. давал 1/5 часть производимого в стране чугуна, 1/6 часть — кокса, около четверти — основной продукции химического производства. В рамках деятельности комбината ежегодно на Урал отправлялось из Кузбасса 5 млн т угля, а с Урала в Кузбасс — свыше 2 млн т железной руды. Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты производили самый дешевый металл в стране.⁹

Основные стратегические решения государственного управления СССР по созданию сибирского тыла были записаны в резолюциях XVII съезда ВКП(б), в директивах второго и третьего пятилетних планов. 31 января 1938 г. при Комитете Оборона была создана военно-промышленная комиссия, в задачу которой входила мобилизация всей промышленности для производства новейших средств вооружения и обеспечения армии. Одним из направлений работы нового государственного учреждения стала организация предприятий-дублеров в восточных районах страны. В годы третьей пятилетки, с началом Второй мировой войны, на Урале и в Западной Сибири развернулось форсированное строительство авиационных и танковых заводов, предприятий по производству боеприпасов, артиллерийского оборудования. Отдельные предприятия создавались в Красноярске, Иркутске, Хабаровске, Владивостоке. Последующие события показали, что решение о создании мощной оборонной промышленности в азиатской части страны было стратегически верным и своевременным, хотя, по мнению многих современных историков и политиков, несколько запоздалым. Не все имеющиеся проекты

⁶ Тимошенко А. И. Указ. соч. С. 127.

⁷ Там же.

⁸ См.: Артемов Е. Т. Восточное направление российской экономической политики XX в.: преемственность приоритетов // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации: сб. ст. и документов. Екатеринбург, 2010. С. 24.

⁹ См.: Сибирская историческая энциклопедия. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 369.

удалось реализовать к началу Великой Отечественной войны, но военно-оборонный потенциал СССР значительно вырос. За 1939–1941 гг. расходы на оборону в государственном бюджете увеличились с 18,6 % до 32,6 %.¹⁰

В предвоенные годы большую роль в формировании сибирского тыла сыграли мероприятия по общей социальной мобилизации в стране, и в Сибирском регионе в частности. В годы третьей пятилетки в государственной политике СССР были приняты дальнейшие после паспортизации населения административно-ограничительные меры для того, чтобы обеспечить промышленные предприятия кадрами, максимально уменьшить не контролируемые государством перемещения населения. Был принят целый ряд постановлений СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС о повышении дисциплинарной ответственности участников производства, их заинтересованности в росте производительности труда и работе на одном предприятии. С 1938 г. были введены трудовые книжки работников, отрабатывалась система поощрения за труд на одном предприятии и т. д. Особое внимание уделялось военной промышленности. В ее пользу перераспределялись многие финансовые, трудовые и прочие материальные ресурсы. Деятельность военных заводов находила и моральную поддержку, как у властей, так и в обществе. Предприятия, производящие военную продукцию, в первую очередь получали все необходимое, быстро наращивали объемы производства, добиваясь высоких результатов.¹¹

Таким образом, можно сказать, что в предвоенные годы в советской государственной политике выстраивалась довольно действенная стратегия создания в восточных регионах, в том числе и в Сибири, тыловых промышленных комплексов, которая была в полной мере реализована в годы Великой Отечественной войны и обеспечила победу советского народа над фашистской Германией. Значимость стратегии тылового базирования СССР в 1930-е гг. была высоко оценена союзниками

СССР по антигитлеровской коалиции уже в первый период войны.¹²

Великая Отечественная война наложили особый отпечаток на процессы хозяйственного развития восточных районов страны. К осени 1942 г. на Урал прибыло 830 предприятий, в Сибирь — более 400. С одной стороны, они увеличили промышленный потенциал региона, а с другой — превратили его в кузницу оружия. В Урало-Сибирском регионе стремительно вырос выпуск военной продукции. В общей структуре промышленного производства приоритетные позиции заняли отрасли, формировавшие фонд военного потребления. В 1942 г. Сибирь давала около 1/3 производимого в стране чугуна, свыше 1/4 — стали и проката, почти 1/2 — кокса и 1/3 — марганца. За счет Урало-Кузнецкого комбината СССР к 1943 г. превзошел Германию по производству качественного металла, что, несомненно, послужило залогом победы в войне. Сибирь в большом количестве поставляла не только черные, но и цветные металлы, особенно после пуска Норильского промышленного комплекса, Новокузнецкого алюминиевого и ферросплавного заводов, Беловского цинкового.¹³

В годы войны на Кузнецком металлургическом комбинате (КМК) были пущены электроплавильный и прокатный цехи, что позволило выплавлять специальные виды сталей, необходимые для военных целей. Металлурги Кузбасса в содружестве с учеными под руководством академика И. П. Бардина впервые в мире за кратчайшие сроки освоили выпуск броневой стали в большегрузных мартеновских печах, что явилось подлинной революцией в технологии производства качественного металла. Уже во второй половине 1941 г. металлурги перевели производство на военные рельсы и добились резкого увеличения выпуска специальных сталей и высокосортного броневых листов. В 1941–1945 гг. выплавка чугуна на КМК выросла с 1599 тыс. т до 1643, стали — с 2080 тыс. т до 2290, производство проката — с 1384 тыс. т до 1638. К концу войны новые марки стали и профили проката

¹⁰ См.: Тимошенко А. И. Сибирский тыл в годы «холодной войны» // Мобилизационная стратегия хозяйственного освоения Сибири. Программы и практики советского периода. (1920–1980-е гг.). Новосибирск, 2013. С. 172, 173.

¹¹ См.: Тимошенко А. И. Проблемы формирования населения и промышленных кадров для районов нового промышленного освоения Сибири в государственной политике СССР // Деятельность государственных организаций по промышленному освоению Сибири в XX — начале XXI вв. Новосибирск, 2010. Вып. 2. С. 26, 27.

¹² См.: Зубков К. И. Оплот России: Урал глазами англо-американских союзников в начальный период Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.) // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв.: материалы XI Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 26–27 сентября 2013 г.: в 2 т. Т. 1. Екатеринбург, 2013. С. 88.

¹³ См.: Тимошенко А. И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX веке. С. 203.

составляли около 80 % всей продукции комбината. Из стали, выплавленной на комбинате в военное время, можно было изготовить 100 млн снарядов, 50 тыс. тяжелых танков, 45 тыс. самолетов.¹⁴

В итоге к концу войны в Сибири существовало сразу несколько мощных центров военного производства, которые располагались в Новосибирске, Омске, Кемерово, Красноярске и в других городах региона. Только в Новосибирске весной 1945 г. действовало 8 заводов Наркомата боеприпасов, в том числе комбинат № 179 (в послевоенное время знаменитый «Сибсельмаш») — один из крупнейших в стране комбинатов по производству снарядов. Наркомат авиационной промышленности имел в Новосибирской области 4 завода, в том числе Завод им. Чкалова по производству истребителей для фронта. К ведению Наркомата вооружения относилось 3 новосибирских завода; Наркомата электропромышленности — 10. После завершения войны эвакуированные предприятия в большинстве своем остались в Сибири.¹⁵

По окончании Великой Отечественной и Второй мировой войн необходимость в укреплении тыловых районов СССР не исчезла. После речи У. Черчилля в Фултоне в марте 1946 г. и реакции на нее советского правительства и лично И. В. Сталина обозначилась перспектива новой мировой войны, которую на этот раз провоцировали недавние союзники СССР по борьбе с гитлеровской Германией. США к этому времени не только имели ядерное оружие, но и применили его, активно разрабатывали и совершенствовали средства его доставки. Поэтому советскому руководству ничего не оставалось делать, как искать адекватный способ обеспечения собственной безопасности. В результате было принято одно из важных решений о производстве в сжатые сроки ядерного оружия и средств его доставки в случае применения.

Разработка ракетно-ядерного вооружения стала главной государственной задачей, которая могла быть решена в условиях сложившейся в послевоенные годы социально-экономической и политической обстановки в стране только мобилизационными методами. Необходимо было в короткие сроки создать

новые наукоемкие отрасли промышленности, всемерно развивать фундаментальные и прикладные научные исследования. Планировалось максимально задействовать Урал и Сибирь не только как территории, обладающие необходимыми природными и сырьевыми ресурсами, но и как регионы, находящиеся в центре страны, на значительном отдалении от западных и восточных границ государства.

В Сибири уже во второй половине 1940-х гг. активизировалось промышленное и транспортное строительство, продолжилась реализация индустриальных проектов, рассматривавшихся в довоенный период. После конференции по развитию производительных сил Иркутской области, состоявшейся в августе 1947 г., было решено приступить к реализации Ангаро-Енисейской программы, стержнем которой было сооружение мощных энергетических объектов и энергоемких производств в Восточной Сибири. Первой новостройкой стала Иркутская ГЭС на Ангаре; в это же время шло формирование Иркутско-Черемховского индустриального комплекса, который включил в себя и военно-оборонные предприятия, являвшиеся частью сибирского тылового района, охватывающего не только Западную, но и Восточную Сибирь.

Весомый вклад в реализацию «атомного проекта» внесла и Сибирь. Она как тыловой район СССР, богатый минерально-сырьевыми ресурсами, была привлечена к решению проблемы создания ядерных вооружений еще в годы Великой Отечественной войны, когда сибирские геологи получили задание найти нужные руды для атомного производства. В конце 1940-х гг. развернулось строительство двух крупных сибирских предприятий атомной промышленности — в Новосибирске завода № 250 (ныне Новосибирский завод химконцентратов) и Сибирского химического комбината № 816 около Томска (Томск-7, г. Северск). Завод химконцентратов осуществлял переработку урановой руды, выпускал топливо для реакторов, вырабатывающих оружейный плутоний, топливные стержни и тепловыделяющие сборки. Сибирский химический комбинат на возведенных пяти атомных реакторах и пяти заводах серийно производил делящиеся материалы и изготавливал из них элементы и в целом ядерные заряды различной модификации. Всего на этих двух предприятиях действовало 8 самых крупных в СССР из 13 имеющихся атомных реакторов по

¹⁴ См.: Историческая энциклопедия Кузбасса. Кемерово, 1996. Т. 1. С. 364.

¹⁵ См.: Тимошенко А. И. Сибирский тыл в годы «холодной войны». С. 174.

выработке оружейного плутония. За все годы их производственной эксплуатации они произвели до 80 % плутония в стране, а вместе с другими предприятиями военно-оборонного комплекса в Сибири — более 50 % оружейного урана.¹⁶

Несколько позже в Сибири были построены еще три предприятия по обогащению урана и изготовлению его оружейной формы. В 1950–1964 гг. на берегу Енисея, в 64 км от Красноярска, в толще гранитных скал (на глубине 200–250 м от поверхности) сооружался Красноярский горно-химический комбинат (Красноярск-26, г. Железногорск). В 1957 г. свою первую продукцию — обогащенный гексафторид урана, служивший сырьем для других атомных предприятий, — выдал Ангарский электролизно-химический комбинат (г. Ангарск Иркутской области). 30 октября 1962 г. в 150 км от Красноярска начал работу Электрохимический комбинат № 825, известный как Красноярск-45 (г. Зеленогорск). Все эти предприятия атомной промышленности нуждались в большом количестве электроэнергии, которую могли дать крупнейшие ГЭС Сибири, построенные на Ангаре и Енисее. Необходимость снабжения электроэнергией секретных атомных производств в Красноярском крае была одной из весомых причин активизации изучения в 1950–1960-е гг. проблем, связанных с формированием Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса, поскольку для получения 1 кг высокообогащенного урана требовалось 175–200 кг руды и около 600 000 кВтч электроэнергии.¹⁷

Таким образом, и в послевоенные десятилетия Сибирский регион оценивался советским государственным управлением, как и в предыдущий период, в качестве надежного тылового района страны. Здесь наилучшим образом сочетались различные возможности для создания новых производств военно-стратегического назначения. Построенные в 1950–1960-е гг. крупнейшие в мире энергетические объекты с избытком могли обеспечивать электроэнергией предприятия атомного производства. Сибирские реки давали огромное количество воды низкой температуры и высокой степени чистоты для охлаждения атомных ре-

акторов. Пространства региона, находившиеся вдали от границ и покрытые в основном таежными лесами, являлись малоуязвимыми для вражеского нападения и с суши, и с воздуха. А в условиях закрытости страны и благодаря умению служб государственной безопасности сохранять ее секреты, сибирские предприятия атомного комплекса долгие годы были недосягаемыми и для иностранных разведок.

«Закрытые» предприятия и целые города, работающие и живущие в особо секретном режиме, в годы «холодной войны» стали своеобразными символами существования сибирского тыла СССР. Они получали приоритетное развитие не только в производственной сфере, но и в социальной. Здесь для населения и трудовых коллективов разрабатывались и реализовывались различные социально-экономические программы, повышающие уровень условий труда и жизни в целом. Для трудящихся секретных предприятий планировалась более высокая заработная плата и более значительная поддержка за счет общественных фондов потребления. Со временем «закрытые» города Сибири превращались в некие оазисы благоустроенной и обеспеченной жизни, правда протекавшей за колючей проволокой.

В послевоенные годы в условиях развертывания «холодной войны» и продолжающегося противостояния двух политических систем значимость сибирского тыла возросла многократно. Сибирь продолжала оставаться географическим центром страны и обладала значительной долей мировых запасов природных и минерально-сырьевых ресурсов. В Сибири была продолжена реализация масштабных экономических программ, главная цель которых была так или иначе направлена на усиление военно-оборонной мощи страны. В 1950–1980-е гг. в регионе активно создавались крупнейшие в мире научно-технические и производственные комплексы, в том числе атомной, электронной, ракетно-космической отраслей промышленности и вооружений, строились научные центры, реализовывались дорогостоящие проекты, направленные на формирование стратегического и научно-технического тыла государства.

К сожалению, в конце XX в. многое из созданного в советский период было утрачено. В результате появилась прямая угроза безопасности России, которая стала более открытой и незащищенной в условиях ускорения процессов глобализации, роста конкуренции

¹⁶ См.: Савицкий И. М. Вклад оборонной промышленности Сибири в создание ракетно-ядерного щита СССР в годы «холодной войны». 1946–1965 гг. Новосибирск, 2011. С. 290, 291.

¹⁷ См.: Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е гг. М., 1996. С. 221.

между государственными образованиями на всех уровнях. Понятие стратегического тыла государства в XXI в. значительно изменилось, хотя, на наш взгляд, оно не должно уходить со сцены. Стратегический тыл как территориально обозначенный и политический субъект очень важен для России, чтобы сохранять ее в качестве единого и независимого государства. Всестороннее изучение и осмысление прошлого необходимо не только для пополнения исторического знания, но и для соотнесения его с современными реалиями.

Сегодня приходится считаться с тем фактом, что экономически и военно-стратегически сильные державы стремятся править миром. С распадом СССР США откровенно претендуют на лидерство и пытаются определять мировой правопорядок. Еще по окончании Второй мировой войны Америка открыто объявила о своих намерениях приобрести господствующее положение в Евразии, и надо сказать, что, в целом, ей удается следовать обозначенной стратегии. Реальным препятствием на этом пути является политика Российского государства. Самый свежий пример — события на Украине, в связи с которыми постановка проблемы оказывается очень своевременной.

Между тем проблемы сибирского тыла как исторического феномена XX столетия до настоящего времени являются слабоизученными. Наиболее часто историки обращаются к событиям, связанным с Великой Отечественной войной 1941–1945 гг. Однако обширная литература посвящена, как правило, традиционным историографическим проблемам, рассматривающим либо историю военных действий и участие в них сибиряков, либо развитие социально-экономических процессов в Сибири как тыловом регионе, куда эвакуировались сотни предприятий из прифронтовых областей СССР. Значительное количество работ посвящено перестройке промышленности и аграрного сектора на военный лад, формированию новой хозяйственной структуры Сибири в годы войны, созданию военно-тылового уклада повседневной жизни населения.

В последнее десятилетие опубликован целый ряд работ о развитии оборонно-промышленного производства и его кадровом потенциале.¹⁸ С открытием архивов стали активно

публиковаться документальные коллекции.¹⁹ Население изучается как стратегический ресурс Победы.²⁰ В целом, эти исторические труды вносят значительный вклад в реконструкцию основных событий Великой Отечественной войны, происходивших в Сибирском регионе. Однако военная тематика освещает лишь часть проблемы, а этого недостаточно для представления об экстраординарности сибирского тыла, сыгравшего в XX в. значительную роль в обеспечении высокого уровня обороноспособности страны и в сохранении ее целостности и независимости.

В зарубежной литературе также нет обобщающих исследований сибирского тыла как исторического феномена. Сибирь как регион интенсивного индустриального освоения привлекала многих исследователей. Однако западные историки придавали значение, как правило, мобилизационному характеру освоения региона, трудностям в решении социальных и экономических проблем. Формирование сибирского тыла ими, как и отечественными исследователями, рассматривалось преимущественно в рамках Второй мировой войны 1939–1945 гг. На наш взгляд, в этом отношении наиболее важными являются труды А. Верта, К. Зегберса, Дж. Барбера, М. Харрисона, которые высоко оценивали развитие военно-промышленного производства Сибири, подчеркивали его роль в экономическом обеспечении победы СССР в Великой Отечественной войне и в освобождении народов мира от угрозы фашизма.²¹ В целом, работы зарубежных исследователей не освещают проблему формирования сибирского тыла как исторического феномена,

Становление и развитие оборонной промышленности Сибири в годы Великой Отечественной войны. Красноярск, 2008; Букин С. С., Романов Р. Е. Рабочая молодежь предприятий оборонного комплекса Сибири: (1941–1945). Новосибирск, 2012; Савицкий И. М., Романов Р. Е. Рабочие, инженеры и техники оборонной промышленности Западной Сибири — фронту. (1941–1945 гг.). Новосибирск, 2014 и др.

¹⁹ См.: Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны: сб. документов. Новосибирск, 2005; Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Томск, 2005.

²⁰ См.: Исупов В. А. Главный ресурс Победы: людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945). Новосибирск, 2008.

²¹ См.: Верт А. Россия в войне. 1941–1945 гг. М., 1967; Harrison M. Soviet planning in peace and war. 1939–1945. Cambridge, 1985; Segebers K. Die Sowjetunion im Zweiten Weltkrieg: Die Mobilisierung von Verwaltung, Wirtschaft und Gesellschaft im «Grossen Vaterlandischen Krieg». 1941–1945. Munchen, 1987; Barber J., Harrison M. The Soviet Home Front. 1941–1945: A Social and Economic History of USSR in World War II. London, 1991.

¹⁸ См.: Шуранов Н. П. Создание оборонной промышленности в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Кемерово, 2004; Шевченко В. Н. Сибирский арсенал Победы:

вероятно, в силу того что это сложно сделать в условиях ограниченного доступа к фактологическому материалу.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на пути изучения сибирского тыла как исторического феномена сделаны лишь первые шаги, многие ключевые темы остаются неисследованными. Например, предстоит изучить в более широком хронологическом и отраслевом диапазоне деятельность военно-промышленного комплекса Сибири, формирование социально-демографического потенциала региона. Важно выяснить роль государства, которое в советский период стратегически определяло и планировало социально-экономическое развитие Сибири, прин-

ципально наращивало ее экономический и военно-стратегический потенциал за счет создания здесь самых передовых предприятий военно-промышленного комплекса СССР. В послевоенное время так или иначе деятельность практически всех крупных промышленных, энергетических и транспортных объектов в регионе была вписана в военно-мобилизационные планы государства. Большое значение придавалось освоению новых районов Сибири, формированию здесь индустриальных кадров и постоянного населения. Без сомнения, формирование сибирского тыла в исторической динамике XX столетия может быть оценено как важная особенность российского цивилизационного процесса.

Albina I. Tymoshenko

Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)

E-mail: *tymoshenkoai@ngs.ru*

HINTERLAND OF SIBERIA AS THE HISTORICAL PHENOMENON OF THE 20th CENTURY

The article deals with the problems related to the formation of Siberian hinterland as an historical phenomenon which predetermined one of the most important specific features of the civilizational development of the Russian state in the 20th century. The author made an attempt to identify the main factors contributing to both the economic, and the social and demographic development of Siberia and raising its importance for the military-defense and strategic potential of the nation. The very existence of Siberian hinterland is viewed as the objective reality within the context of the global geopolitical development. The author has identified several stages in the formation of a national scale economically efficient territory with significant natural resources in the center of the country, which, already beginning from the turn of the 19th–20th centuries, was understood as the powerful government reserve for the autonomous development both in peaceful times and in case of international conflicts. The accent is made on the Soviet experience of industrial modernization of Siberian regions, one of the goals of which was also the creation of various military-defense industry sectors. It is emphasized that the importance of the Siberian hinterland in protecting the national independence and state security was continually growing throughout the whole of the 20th century.

Key words: Siberia, the rear area of the state, military and defense strategy, economic resources, public policy, social mobilization

REFERENCES

- Artemov E. T. *Uralo-Kuzbass: ot zamysla k realizatsii* [Ural-Kuzbass: from conception to implementation]. Ekaterinburg: AMB Publ., 2010, pp. 18–39. (in Russ.).
- Barber J., Harrison M. *The Soviet Home Front. 1941–1945: A Social and Economic History of USSR in World War II*. London: Longman, 1991, 245 p. (in English).
- Bukin S. S., Romanov R. E. *Rabochaya molodezh predpriyatiy oboronogo kompleksa Sibiri: (1941–1945)* [Young workers defense enterprises of Siberia: (1941–1945)]. Novosibirsk: Parallel Publ., 2012, 430 p. (in Russ.).
- Harrison M. *Soviet planning in peace and war. 1939–1945*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985, 315 p. (in English).

Istoricheskaya entsiklopediya Kuzbassa [Historical encyclopedia of Kuzbass]. Kemerovo; Poznan: Shtama Publ., 1996, Vol. 1, 380 p. (in Russ.).

Isupov V. A. *Glavnyy resurs Pobedy: lyudskoy potentsial Zapadnoy Sibiri v gody Vtoroy mirovoy voyny (1939–1945)* [Victory main resource: the human potential of Western Siberia during the Second World War (1939–1945)]. Novosibirsk: ID “Sova” Publ., 2008, 378 p. (in Russ.).

Savitskiy I. M. *Vklad oboronnoy promyshlennosti Sibiri v sozdanie raketno-yadernogo shchita SSSR v gody «kholodnoy voyny». 1946–1965 gg.* [The contribution of the defense industry in Siberia create a nuclear missile shield of the USSR in the years of the “cold war”. 1946–1965]. Novosibirsk: Sibirskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 2011, 352 p. (in Russ.).

Savitskiy I. M., Romanov R. E. *Rabochie, inzhenery i tekhniki oboronnoy promyshlennosti Zapadnoy Sibiri – frontu. (1941–1945 gg.)* [Workers, engineers and technicians of the defense industry in Western Siberia – the front. (1941–1945)]. Novosibirsk: Sibirskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 2014, 412 p. (in Russ.).

Segebers K. *Die Sowjetunion im Zweiten Weltkrieg: Die Mobilisierung von Verwaltung, Wirtschaft und Gesellschaft im «Grossen Vaterlandischen Krieg». 1941–1945* [The Soviet Union in World War II: The mobilization of government, business and Gesellschaft in the “Great Patriotic Krieg”. 1941–1945]. Munchen: Oldenbourg Verlag, 1987, кол-во стр. p. (in Germany).

Shevchenko V. N. *Sibirskiy arsenal Pobedy: Stanovlenie i razvitie oboronnoy promyshlennosti Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Siberian arsenal Wins: Formation and development of the defense industry in Siberia during the Great Patriotic War]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet Publ., 2008, 448 p. (in Russ.).

Shuranov N. P. *Sozdanie oboronnoy promyshlennosti v Zapadnoy Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Creation of the defense industry in West Siberia during the Great Patriotic War]. Kemerovo: Kuzbass Publ., 2004, 218 p. (in Russ.).

Sibirskaya istoricheskaya entsiklopediya [Siberian historical encyclopedia]. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri Publ., 2009, Vol. 3, 784 p. (in Russ.).

Simonov N. S. *Voенно-promyshlennyy kompleks SSSR v 1920–1950-e gg.* [Military-industrial complex of the USSR in 1920–1950-ies]. Moscow: ROSSPEN Publ., 1996, 336 p. (in Russ.).

Timoshenko A. I. *Deyatel'nost gosudarstvennykh organizatsiy po industrialnomu osvoeniyu Sibiri v XX – nachale XXI vv.* [Activities of state organizations in the industrial development of Siberia in the XX – early XXI century]. Novosibirsk: Sibirskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 2010, Issue 2, pp. 3–45. (in Russ.).

Timoshenko A. I. *Mobilizatsionnaya strategiya khozyaystvennogo osvoeniya Sibiri. Programmy i praktiki sovetskogo perioda. (1920–1980-e gg.)* [Mobilization strategy of economic development of Siberia. Programs and practices of the Soviet period. (1920–1980)]. Novosibirsk: Parallel Publ., 2013, pp. 170–244. (in Russ.).

Timoshenko A. I. *Proekty sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri v XX veke: Kontseptsii i resheniya* [Projects of social and economic development of Siberia in the XX century: concepts and solutions]. Novosibirsk: Sibirskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 2007, 288 p. (in Russ.).

Vert A. *Rossiya v voyne. 1941–1945 gg.* [Russia in the war. 1941–1945]. Moscow: Progress Publ., 1967, 772 p. (in Russ.).

Vitte S. Yu. *Sobranie sochineniy i dokumentalnykh materialov* [Works and documentary materials]. Moscow: Nauka Publ., 2004, Vol. 1, Book 2, Rart 1, 647 p. (in Russ.).

Zubkov K. I. *Regionalnye aspekty tsivilizatsionnogo razvitiya rossiyskogo obshchestva: problemy urbanizatsii i industrializatsii* [Regional aspects of civilization development of Russian society: problems of urbanization and industrialization]. Novosibirsk: Parallel Publ., 2013, pp. 22–31. (in Russ.).

Zubkov K. I. *Ural industrialnyy* [Ural Industrial]. Bakuninskie chteniya [Bakuninskaya reading]. Ekaterinburg: UMTs-UPI, 2013, Vol. 1, pp. 86–92. (in Russ.).